

ЛИТЕРАТУРА — ЖИЗНЬ МОЯ

* Чужая книга для писателя как зеркало...

* О чем думал Лев Толстой над романом Энтони Троллопа?

Я ВСЕГДА был уверен в том, что чтение — важная часть профессиональной жизни писателя. Писатель не превращается в читателя, когда бросает перо и принимается за чужую книгу: он ее читает, сравнивая, участвуя, отбывая. Я говорю об этом в своей книге «Вечерний день»: «Это не только мир литературного сознания, не менее важный, чем опыт реальной жизни. Это — сопутствующее всей жизни писателя явление резонанса, без которого серьезно работать почти невозможно. Войдите в комнату, где стоит рояль с откинутой крышкой, и хлопните в ладоши. Отзовется та струна, ча-

вается, что люди полюбили его и судьба его им не безразлична».

Недаром этот рассказ называется «Человек Фирфаров и трактор». За шутилизмом сюжета просвечивается очень серьезная мысль — серьезная и поучительная, как это ни странно: мысль о том, что создание руи человеческих — тот же человек, продолженный в труде, творчестве, созидании.

«Коллекция доктора Эмиля», «Волшебная лампа», «Зелье» задуманы с большей оригинальностью и написаны выразительнее, точнее. Но замыслы этих рассказов не доведены до конца. Неясно, к чему же приводит конструктор Мокшина открытие зелья, заставляющего человека всегда говорить то, что он думает, а не то, что НАДО сказать. Собачка, которую дарит неудачнику Лаптеву загадочный доктор Эмиль, исчезает на последних страницах.

ты А. О. Пастернака — несравненного рисовальщика; портреты Толстого, Скрябина, Рильке, сцены семейной жизни. «Мягко освещается скатерть на столе, и женские руки что-то вышивают, наливают чай, перелистывают книги, вяжут уютные домашние вещи. Эти женские руки дают какой-то ключ к искусству Пастернака...», — как отмечал Ю. Пименов в предисловии к «Запискам разных лет».

Женской рукой написан и «Вдовий паром». С первой до последней страницы повесть проникнута женской отзывчивостью, чувством материнства, чувством одиночества, непохожим на мужское.

Все обитатели коммуналки несчастны, каждая по-

же время... Его не останавливала и морская болезнь».

К. И. Чуковский — знаток английской литературы — при мне поучительно указал одному молодому писателю, что если Троллопу удалось закончить очередной роман за полчаса до назначенного времени, он тут же понимался за новый роман.

С такой же методичностью он занимался — с десяти до половины пятого — делами почтового ведомства: от клерка дослужился до помощника генерального директора и, придумав почтовый ящик, заметное улучшение мировой системы связи.

Я очень сочувственно относился к методу Троллопа. Поработать три часа, а потом провести день в любых других занятиях, не обрывая чить, связавшую тебя с письменным столом, возвращаясь мысленно к заброшенной сцене. Записать или заучить на прогулке удавшуюся фразу. С приторным вниманием выслушивать литературную новость, пытаясь одновременно окинуть одним взглядом только что намеченную лаву, — вот жизнь писателя. И так до ночи или до запомнимейшей встречи, которая может ворваться в замысел и неузнаваемо его перестроить. Диккенс гулял по четыре часа в день. Троллоп, развозя почту на лошади (в те времена это было почетным занятием), встречался с фермерами, бедными и богатыми, с пастухами, священниками, школьными учителями, врачами, политическими деятелями, охотниками (он и сам занимал время поохотиться два раза в неделю). Многие из них стали персонажами его романов. Они должны быть с ним, когда он ложится спать и когда он пробуждается от сна.

Ч. Сноу уделяет мало места творчеству Троллопа. Однако отмечает две характерные черты, которые не могли не заинтересовать Льва Толстого. «...Он умел видеть человека таким, каким его видели другие, а кроме того — таким, каким он видел себя сам. ...видел человека не только в данном месте и в данную минуту, но также в прошлом и в будущем».

Другая бесценная особенность — стиль. Сноу приводит два диалога из романа Энтони Троллопа «Доктор Торн». И не надо быть глубоким знатоком английского языка, чтобы убедиться в том, что стиль, которым они написаны (сто тридцать лет назад), почти не отличается от современной англо-американской прозы. Конечно, разница есть, но она мала, не мешает легко переводить произведения Троллопа на любой иностранный язык. Старомодность заметна лишь в отдельных словах. Но вернемся к Толстому.

Он, без сомнения, читал Троллопа по-английски, и, как всегда, для него это было профессиональным чтением. Вот что он записывает в своем дневнике 29 сентября 1865 года: «Читал Троллопа. — Кели бы не diffuseness. Хорошо». А 30 сентября: «Читал Троллопа хорошо. Есть поэзия романиста: 1) в интересе сочетания событий — в драматизме, мои казаны, бунтуе; 2) в картине нравов, построенных на историческом событии — Одиссея, Илиада, 1805 год; 3) в красоте и веселости положений — Пиквик — Отъезд в поле и 4) в характерах людей — Гамлет — мой будущий; Аполлон — Григорьев; распушенность Чичерин — тупой ум, Сухотин — ограниченность успеха, Николай — лень и (зачеркнуто) энергия; — Прим. Столыпин?; Ланской?; Строганов? — честность тупоумия». 2 октября: «Троллоп убивает меня своим мастерством. Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое. Знать свое — или, скорее, что НЕ МОЕ, вот главное искусство. Надо мне работать, как пчине».

Что значит «поэзия романиста»? Вседневность Троллопа кажется почти фотографической, но она не только изящно и скромно построена, но «поднята над действительностью», и Толстой по пунктам перечисляет средства, с помощью которых она «поднята»: искусство сочетания событий, картина нравов, красота и веселость положений, характеры персонажей. Когда-нибудь историки литературы попытаются объяснить интерес Толстого к Троллопу. Пока этим, кажется, никто не интересуется.

Но, кажется, объяснить это сравнительно нетрудно. Когда работа не идет, невольно снимаются с полки книги тех, у кого она удалась. Обдумываешь, сравниваешь, сопоставляешь.

Не потеряна ли внутренняя связь? Складывается ли сюжет? «Вписана» ли соотнесенность с признаками времени? Не много ли этих признаков или, наоборот, не слишком ли мало? Вспоминаются главные черты характера в друзьях, врагах, в людях знакомых или полужановых, но угаданных с первого взгляда. Подчеркивается характер как единое целое, а доминирующая черта, и, наконец, она принимается (или не принимается) для избранного героя. В Аполлоне Григорьеве действительно была распушенность, хотя в наше время эта черта говорит о нем очень мало. Для каких персонажей Толстому пригодились «ограниченность успеха» Сухотина, его будущего зятя, так же как «тупой ум» Чичерина? Кто знает? Впрочем, почти на каждой странице толстовского дневника — десятки загадок, разрешить которые не в силах целая армия литературоведов. Но нужно ли их разгадывать? Может быть, с единственной целью: попытаться бросить аннотированный свет на историю создания «действительности» Толстого. Иными словами, ответить на вопрос: как ему удалось заставить нас дежурить вместе с Наташей у постели умирающего князя Андрея?

В КРУГЕ ЧТЕНИЯ

В. КАВЕРИН

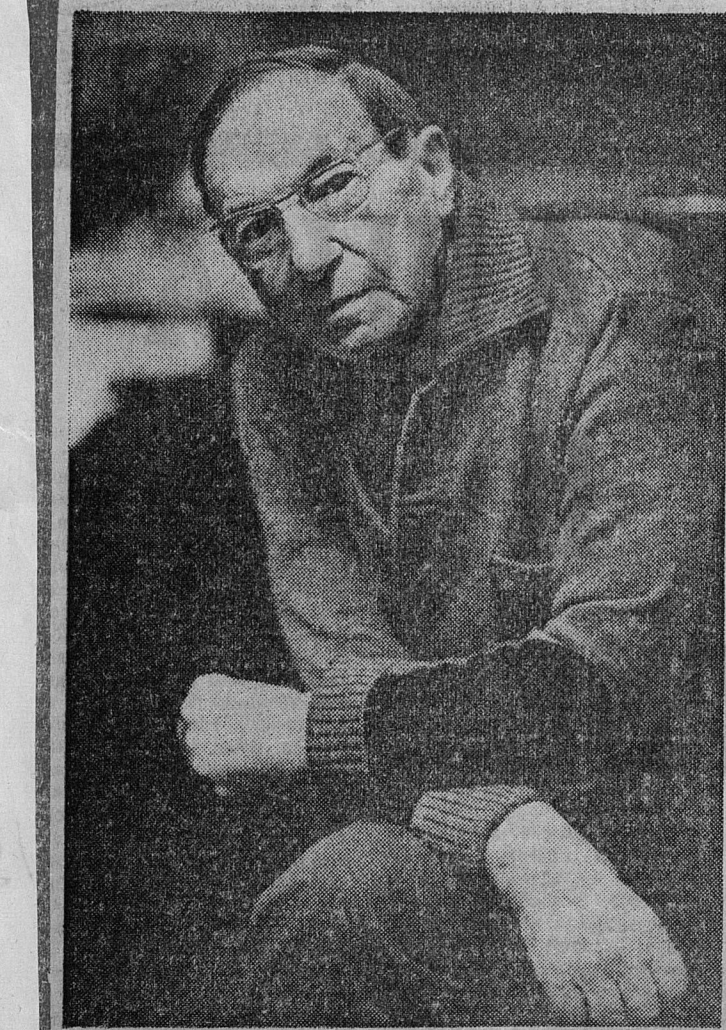

Фото В. КРОХИНА

стога колебаний которой совпадает с колебаниями, возникшими в результате вашего движения. Так отзываются в опыте чтения те струны, которые совпадают с кругом ваших намерений и профессиональных интересов. Так образуется литературный вкус, и важно еще в юности позаботиться о его широте».

— Ты мог бы писать, как Олеша, — сказал мне Ю. Н. Тынянов после того, как мы с ним побывали на вечеру Юрия Карловича. Это было для меня мерилом, пока я не убедился, что не могу писать как Олеша, но могу многому научиться у него. Писатель смотрит в чужую книгу, как в зеркало, и видит — или не видит — себя. В книге Олеша я всматривался долго, а в книги Булгакова — всю жизнь; пишу о нем, вдыхаюсь, стараюсь понять.

Итак, чтение — важная сторона работы писателя. Мои заметки вызваны тремя только что прочитанными новыми книгами.

КНИГУ рассказов «Окно» опубликовала Нина Катерли, инженер-технолог из Ленинграда. Мы знакомы, и я давно слежу за ее работой. Она пытается соединить жизненный опыт с незаурядным воображением. Точнее сказать, заняться этим советую ей я, хотя сам недавно испытал всю сложность подобного соединения в своей новой повести «Верлиока».

Читая «Окно», невольно представляешь себе человека молодого, решительного, беспечного, однако серьезно задумавшегося над вопросом: по какой дороге идти — направо или налево? Направо — психологическая проза, современная и одновременно традиционная, налево — фантастическая игра, основанная на перевернутых представлениях. Направо — наблюдение, психологическое исследование, логика характеров. Налево — воображение, алогизм, несоответствие синтаксического и смыслового движения речи. На какой дороге ее ждет успех и признание? Это трудно предсказать еще и потому, что вопреки любым «выходам из действительности» на самом деле Нина Катерли с головой погружена в нее. Обыкновенное и необыкновенное происходит в том же вполне реальном мире, на улицах Ленинграда, на обшарпанных лестницах, в коммунальных квартирах. Впрочем, можно, пожалуй, сказать, что по правой дороге ей будет легче идти: дорога русского психологического рассказа давным-давно не только протоптана, но превращена в дивную, поросшую столетними дубами аллею. Недаром первый рассказ в ее книге — простая история о том, как отец считал беспутным малым младшего сына (который отдал ему свою жизнь) и высоко ценил старшего, холодноватого эгоиста, — так и называется — «Дорога». Рядом стоит «День рождения» — мгновенный кадр, в котором читатель-зритель успевает разглядеть беспомощную старуху, продолжающую жить в давно исчезнувшем мире. Ее память похожа на часы без стрелок в знаменитом фильме Бергмана «Земляничная поляна».

Неподалену от этого рассказа читатель найдет «Первую ночь». Пожалуй, судя по этому рассказу, Н. Катерли можно считать если не капитаном, так по меньшей мере старшим лейтенантом на действительной службе в психологической прозе. Однако, твердо держа перо в руке, она смело встает на совсем другой, рискованный путь... Старый трактор, которому нечего делать в городе, привязывается к человеку и таскается за ним, как живой, таракта мотором и не замечая, что он то и дело ставит своего хозяина в глупое положение. Никто не знает, откуда он взялся в гараже инженера Фирфарова, приготовленном для новеньких «Жигулей». Нельзя сказать, что он «втирается» в жизнь инженера, напротив, постепенно выясняется, что бывают случаи, когда он может ему пригодиться. Он понимает человеческий язык, он слепо слушается хозяйина, он восторженно относится к его приказам и в конце концов, когда его, слепого и беспомощного, выгоняют, оказы-

вается, что люди полюбили его и судьба его им не безразлична».

Мне хочется сказать молодому автору: как инженер-технолог, вы должны знать, что такое «доводка». Любой замысел — и в особенности фантастический — должен быть доведен до конца. Поэтому «Конец» — для нас не пословица, а суровый, беспощадный закон...

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ только однажды, на каком-то празднике «Нового мира», еще при Твардовском, и хотя нам мешали шумные тосты, я почувствовал ту близость взглядов, которая делает литераторов единомышленниками после пятнадцатиминутного разговора. Мне понравилась мягкость и твердость ее приятного лица, уверенность взгляда, ее определенность, ирония, ее ум, который хотелось назвать мужским, что было бы приблизительным и неточным. Мы познакомились, условились обмениваться книгами, встречаться — и вот за много лет не встретились ни разу. Почему? Нет времени? Но и у «Серापонионых братьев» — Тихонова, Фекина, Зощенко, Лунца — не было времени. Они работали, учились, служили. Однако встречались каждую субботу. Время есть. Нет той легкости литературной атмосферы, которая способствовала случайным, не устроенным заранее, литературным встречам. Я перепробовала с Д. С. Лихачевым пятнадцать лет, мы обмениваемся книгами, мы прилежно читаем друг друга, а познакомились в Болгарии.

Так что я не знаю, как работает И. Грекова, хотя ни одной ее книги, кажется, не пропустил. («На испытаниях» я считаю одной из лучших ее повестей, хотя критика отнеслась к ней совершенно иначе.) Приходится охотливо, догадкой идти от обратного: от ее книг — к ее работе над книгами. И кое о чем, пожалуй, можно догадаться. Ведь ахматовское «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» относится и к прозе. Мне кажется, что «Дамский мастер», например, схвачен с первого взгляда. Со мною это случилось: вахтер соседней дачи заглянул ко мне поболтать и оказался самым удачным героем моей длинной трилогии «Открытая книга». Я имею в виду отца моей героини. «Хозяйка гостиницы» напомнила мне женские исповеди, которые посыпались ко мне, когда Эренбург, Шостакович, я и другие попытались с помощью «Литературной газеты» внести поправку в закон о матерях-одиночках. Разумеется, все это догадки, основанные на собственной работе. Но более или менее достоверные, потому что «вторая профессия», разумно исползованная, не мешает делу. И. Грекова — известный математик, автор книги «Теория вероятностей» не менее известна в нашей литературе. Линия всматривания, придумывания, отбора идет рядом с научными исследованиями. Экзаменуя студента, она, профессор, подчас думает: не может ли этот мальчик пригодиться для повести «Маленький Гарусов»? Возможно, что это не так или не совсем так. Но похоже.

«Вдовий паром» («Новый мир», № 5), может быть, не самая сильная ее повесть, но все-таки — какая изящная простота сюжета, какое искусство занимательности, какой отбор значительного из беспорядочного калейдоскопа жизни!

Судьба свела в коммунальной квартире пятерых одиноких женщин. Каждая из них не только выписана, но тщательно отшувана, причем стереоскопичность не отдаляет (как бывает, когда вы смотрите в стереоскоп), а как раз наоборот — приближает. В руке художника не кисть, а обыкновенный карандаш. Перед нами холст, а рисунок. Но вспомним слова Микеланджело, который говорил, что рисунок — исток и душа всех родов изобразительных искусств... Я не случайно привел эту строку из «Записей разных лет» А. О. Пастернака: читая повести И. Грековой, я вспоминаю рабо-

своему, — одну бросил муж, другую — два, у третьей родился «взрачный» ребенок. Вот этот ребенок, появившийся после случайной фронтальной встречи, и оказывается единственным мужчиной в квартире — на «вдовьем пароходе».

Как бы ни относиться к Вадиму Грому — удался он или нет? — нельзя отрицать, что этот заставивший задуматься персонаж — новость в нашей прозе. С раннего детства дурные черты заметны в нем, и стократно углублены беспорядочным воспитанием. Это характер бешеный дикий, самолюбивый. «Все врут», — утверждает он. Это для него не случайная мысль. Это открытие, за которое он держится руками и ногами. Ведь если «все врут», — он знает всех, потому что говорит (не может не говорить) правду. Он умел, но у него узкий ум, и он не понимает, что ложь — разноцветное, разностороннее понятие. Он не может и не хочет признать, что «лжи много, а правды одна». Сознание его с годами все больше обволакивается туманной идеей, не имеет, грубеет. Но странное дело: этот неприятный, озлобленный парень, похожий на падающий с неба каменный дождь, написан так, что читатель почему-то не забывает о том, что этот дождь все-таки ПАДАЕТ С НЕБА. В нем колючая ненависть, но чем-то он все-таки подкупает. Осторожно, как бы между прочим И. Грекова оставляет на холсте чуть тронутые белые пятна. Исподволь готовятся перелом. Еще в пионерлагере Вадим с любовью думает о матери. «Как светишься на солнце ее полные, стройные руки». Кончая школу, он влюбляется в одноклассницу — и потрясен ее холодным бесстыдством. В одиночестве своей полной, никому не нужной, всеми отвергнутой правды, он вдруг замечает природу — природу, которая не лжет. Все же союзница! Он все чаще вспоминает о матери, и когда она, тяжело заболев, лишается речи — бросает все и кидается к ней. Вот тогда раскрывается сила его незаурядной души, вся его затененная любовь и человек! Вот тогда обратный светом озаряется минувшая жизнь — и, оказывается, не все переломано, перемолото. С трогательной отвагой, не щадя себя, Вадим ухаживает за смертельно больной матерью. Не оставляя ее ни на минуту. Он пытается научить мать говорить, а когда это не удается, учит ее грамоте, как пятилетнего ребенка. Последние, самые значительные страницы заставляют читателя задуматься о том, что ведь, в сущности, Вадим «без вины виноват». Ему не посчастливилось встретить хоть одного человека, который убедительно доказал бы ему, что не «все врут», что иная ложь выше правды. Лишь после смерти матери он с горечью отчаяния, быть может, догадывается об этом...

Я пишу это «может быть», потому что И. Грекова, оканчивая повесть, оставляет за собой чистый лист — Вадиму снится сон: «Ему приснились все его вины перед матерью... Он проснулся, и подушка его была мокрая. С этой промокшей горько-соленой подушкой началась для него новая жизнь». Новая жизнь — новая повесть. Но написать ее будет, думается, нелегко!

ЗНАЕТЕ, кто был одним из любимых писателей Льва Толстого? Энтони Троллоп. Только что вышедшая (в издательстве «Высшая школа») книга известного Чарльза Сноу «Троллоп» — третья, о которой я хочу сегодня говорить. Троллоп у нас мало известен, из его сочинения семи романов на русский переведены лишь несколько.

Что касается меня, я думаю, что напрасно не Энтони Троллопа, а скучноватого Томаса Харди положить рядом с Диккенсом в Вестминстерском соборе.

Это был писатель средневековья, периода, разделивший свои интересы между почтовым ведомством и литературой. Вот что пишет о нем в своей книге Чарльз Сноу: «Каждое утро его будили в пять часов... Ему приносили чашку кофе. В половине шестого он усаживался за письменный стол. Прочитывал написанное накануне и вносил исправления. Около шести он уже писал... до половины десятого... Он приучил себя писать по двести пятьдесят слов за четверть часа... хотя порой... случались отклонения... Таково было его рабочее расписание на протяжении всех одиннадцати лет... Когда он в те годы путешествовал, то в поезде ли, на пароходе ли умудрялся ежедневно посвящать работе примерно такое